

Ежи

ДРУГОЙ ТЕАТР

Наверное, из ныне здравствующих больших мастеров театра нет фигуры более загадочной, овеянной тайной, чем фигура Ежи Гротовского. Эта таинственность связана не столько с нашей внутренней ситуацией былых лет, когда иные художники и их творчество становились предметом запрета. И даже не с тем, что нам не было суждено увидеть в России его спектакли, и по сей день большинству из нас не дано прочесть его книгу "К бедному театру", которая вот 30 лет является "всемирным театральным бестселлером", переведенным на все языки мира, кроме русского. Дело скорее в таинственности самого Мастера, избранного им пути в жизни и в работе. Всем известно, что уже более 10 лет Гротовский живет в Италии, в небольшой деревне близ Понтедеры. Созданный здесь "Центр работ Ежи Гротовского", — место, куда может прийти далеко не каждый. Были годы, когда Центр работал в полной изоляции, но теперь, по выражению самого Гротовского, они, то есть, все те, кто работает в "Центре", "открыли окно".

"Центр" посещают различные театральные группы, которые получают возможность показать свою работу Мастеру, услышать его суждения о ней, увидеть то, чем сегодня занимается сам Гротовский. Все это "может помочь художнику найти собственные сильные стороны. Но не должно кардинальным образом менять суть его собственной работы", — так определил Гротовский характер своих взаимоотношений с гостями "Центра".

В программе копенгагенской сессии "Международной школы театральной антропологии" встреча с Гротовским была назначена на 23 часа. Люди знающие пояснили, что Гротовский работает в основном ночью, поэтому нам надлежало принять его жизненный ритм, хотя наш рабочий день и начинался в 7 утра. Когда мы вошли в зал, Мастер ждал нас. Перед нами сидел немолодой седовласый человек. На приветствия отвечал открытой доброй улыбкой. Только глаза за линзами очков казались колючими, взгляд — пронизывающим насквозь. Большой зал ментально наполнился людьми, рассевшимися не только на креслах, но и на лестницах, полу, перилах. Нетерпение увидеть и услышать Мастера выразилось в предельной собранности и сосредоточенности публики.

Нетерпение это, существовавшее априори, было изрядно подогрето произошедшей в тот же день встречей с ближайшим соратником и ассистентом Гротовского Томасом Ричардсом. На этой встрече Ричардс почти ничего не рассказывал о своей работе в "Центре", но показал фильм, фиксирующий определенный этап этой работы.

На экране мы увидели группу людей, поющих божественные по красоте песни. Древние ритуальные песни. Однако это "пение" менее всего походило на работу вокалистов. Не было это похоже и на реконструкцию ритуала. Ритуальность, однако, существовала, но своя, особая. Ритуальность погружения в себя, ритуальность рождения звука. Люди не пели, они как бы обращались в звук: странные полусогнутые позы, редкие, но весьма экстравагантные движения сопровождали, а точнее — помогали этому рождению. Трудно было уловить момент, когда человек берет дыхание, — казалось, что звук непрерывен. Он лишь меняет свою интенсивность, высоту, выплывая замысловатый узор мелодии. Было ощущение, что не человек управляет звуком, но звук управляет человеком.

Голосовой тренинг всегда занимал значительное место в системе работы актеров Гротовского. Но на сей раз речь не шла о тренинге, как не шла она и об искусстве как таковом. Речь шла о власти, которой обладает звук над человеком, о власти, которой обладает человек над самим собой. "Песни — это способ трансформации

Гротовский

энергии", — сказал о смысле этих занятий Гротовский. Фильм и вступительное слово Томаса Ричардса открыли для нас "окно" в область сегодняшних исследований "Центра Гротовского", хотя и сняты эти кадры были в 1990 году.

Сугубо эмоциональное впечатление от этой первой встречи соединяло в себе восхищение и некоторую настороженность. Восхищение тем совершенством, к которому может прикоснуться человек в работе над собой. Настороженность же рождала предельная сосредоточенность людей на экране, сосредоточенность, граничащая на первый взгляд с трансом, с неким экстатическим состоянием. Гротовский развеял наши опасения, сказав, что ни о каком трансе речи не идет. Просто люди эти погружены в работу, предельно сконцентрированы — только и всего. Другое дело, что работа эта не направлена на поиск внешней выразительности и, строго говоря, не предназначена для показа. Она обращена прежде всего к актеру, к человеку, производящему действие, а не созерцающему его. Этот этап своей жизни и деятельности Гротовский выразил формулой: "Искусство как средство передвижения" (статью Гротовского об этом этапе его работы можно прочесть в журнале "Московский наблюдатель" — май 1995 года).

Рассказав о разных этапах своей работы, Гротовский особо остановился на этом нынешнем, назвав его "последней буквой алфавита". Этот этап, вскрывающий возможности внутреннего движения человека к совершенству, движения дисциплинированного, сосредоточенного, точного, деятельного, является органичным продолжением его предшествовавшей деятельности. "Я пришел в театр, потому что понял, что репетиция — это возможность и способ работы над собой, которые я и искал. Я воспринимал театр больше как ритуал". Так было уже в самом начале его творческого пути. Такое понимание искусства характеризует и сегодняшние поиски Мастера. "Это другой конец той же цепи", — говорит Гротовский о своей сегодняшней работе. Приход к нему естествен. "В жизни можно идти двумя путями: путем инженера и путем садовника. В первом случае я знаю, что делать, и двигаюсь по заранее намеченному плану. Во втором же — тот росток, который ты посадил, будет развиваться и диктовать тебе направления движения. Надо только научиться воспринимать — видеть и слышать, что предлагает тебе жизнь", — так Гротовский определил логику развития и собственного пути, пути Садовника.

Разговор этот закончился на рассвете. Он затрагивал самые разные аспекты — человеческие и профессиональные. Гротовский говорил очень просто, убежденно и совсем не назидательно. Человек колоссальной эрудиции, могучий практик и теоретик современного театра, он сформулировал свою жизненную и творческую позицию фразой, которая все же должна стать нам назиданием: "Высшее состояние мудреца — способность быть учеником".

Наталья ТАБАЧНИКОВА.

Экран и сцена -
1996. - 13 - 20 ию -
Нел. - 97.